

18+

БОЙД АЛЕКСАНДЕР

6000 миль по рекам дикой Африки. Том IV

Бойд Александер

**6000 миль по рекам
дикой Африки. Том IV**

«Издательские решения»

Александр Б.

6000 миль по рекам дикой Африки. Том IV / Б. Александр —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982402-8

Последний том описаний трехлетней экспедиции на лодках от Западного до Восточного побережья Африки. Из четырех участников экспедиции осталось двое. Завершить путешествие предстоит только одному. Для цветных иллюстраций использованы фотографии из открытых сайтов Интернета. Для обложки использована репродукция картины художника Фредерика Чёрча.

ISBN 978-5-44-982402-8

© Александр Б.
© Издательские решения

Содержание

Глава XXVI. От Шари до Убанги по территории каннибалов Французского Конго	6
Глава XXVII. Наше путешествие вверх по реке Убанги	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

6000 миль по рекам дикой Африки
Том IV
Бойд Александер

Анатолий Павлович Смирнов *Переводчик*

© Бойд Александер, 2020

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2020

ISBN 978-5-4498-2402-8 (т. 4)

ISBN 978-5-4498-1482-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава XXVI. От Шари до Убанги по территории каннибалов Французского Конго

19 августа мы поплыли назад, вниз по течению, со скоростью четыре мили в час, что сильно отличалось от скорости, которую мы имели при плавании вверх по течению! Это было действительно приятное путешествие, бесшумное скольжение в середине потока с веслами, лениво поглаживающими воду время от времени.

Когда мы приблизились к нашему предыдущему лагерю в сыром лесу, естественно, мы вспомнили о потере нашего петуха Джаггры. Внезапно впереди нас на берегу показалось видение из ярких перьев. Все кричали: «Джаггра!». Лодки сразу вытащили на берег, и эта необыкновенная птица, после трех ночей одиночества в лесу, прыгнула на свое привычное место на носу лодки, не проявляя никакого удивления, что лодки появились здесь наяву, а не во сне.

Наша следующая цель – песчаный берег у подножия красивого лесистого холма, где Хосе в нашем предыдущем переходе по реке заметил стадо слонов. Незадолго до прибытия к этому месту, мы уменьшили ход и тихонько крались по течению, наконец, приблизившись к группе из семи слонов на низком лесистом берегу у воды. Это было красивое зрелище; двое стояли неподвижно, в то время как другие лениво занимались обработкой высоких ветвей своими хоботами. При шуме наших весел они подняли свои хоботы и стали принюхиваться, размахивая своими большими ушами. Затем они удалились рысцой.

Слоны (фото с сайта pixabay.com)

Далекий рев другого стада в направлении от песчаного берега, к которому мы далее собирались, вызвал наше намерение немедленно отправиться в лагерь, а затем искать тех слонов. Место, которое мы выбрали, было, очевидно, их любимым водоемом; чистый, галечный песчаный берег служил в качестве слоновьей детской площадки, где слонята могли кататься на песке. Здесь же у подножия густого лесистого холма был большой бассейн для взрослых слонов.

Около трех часов дня, после чашки чая, мы отправились в погоню за новым стадом. Осторожно пробираясь через лес у реки, мы увидели таинственного человека, почти голого, движущегося по деревьям. Когда он увидел нас, то бросился прочь и нырнул в реку и, бросив копья в воду, плывя, как будто он спасал свою жизнь, пытаясь добраться до другого берега, где он исчез в высокой траве.

Огибая скалу, за поворотом мы увидели плоскую, поросшую кустарником страну, покрытую высокой травой. Потеряв час из-за движения по ложному следу, Умуру (наш «шестовик»-ветеран из первой партии) нашел свежие следы. Чтобы следовать за слонами, нужно быть хорошим ходоком, потому что удивительно, какое расстояние они могут покрывать в течение короткого времени, когда их беспокоят.

Тем не менее, это не такая тяжелая работа, как преследование более мелкой дичи на грубой почве, поскольку тропа слонов, как правило, свободна от всех препятствий и явно выражена поваленными и сломанными деревьями на их пути, как будто здесь прошел паровой каток, поэтому речь идет просто об энергичном преследовании, чтобы догнать стадо. В течение пяти миль мы торопились по следам, найденным Умуру. Время от времени мы видели места, где один из слонов покидал тропу, чтобы покататься в траве или сломать вкусную ветку. Наконец, мы поняли, что приблизились, потому что навоз, который лежал с интервалами на тропе, все еще дымился, а в следующий момент Умуру прошептал: «Гиваф!» (» Слоны»)

Мы не могли их видеть, но слышали их низкие трубные звуки и треск ветвей деревьев. Мы задержались на минуту, пока не миновали край высокой травы. Там, в роще маленьких деревьев мы увидели большого самца, стоящего на страже, в то время, как несколько самок с их

молодняком насыщались среди деревьев справа от нас. День приближался к закату, и на фоне заходящего солнца силуэты слонов четко вырисовывались на фоне зеленых трав и листьев.

Я не знаю другого волнения, которое сравнится со встречей с таким гигантским зверем в дикой природе. Инстинктивно, человек зажимает свою маленькую винтовку в руках и задерживает дыхание.

Слоны очень близорукие, и это делает охоту на них гораздо менее опасной, но их слух настолько чувствителен, что можно сказать, что они видят своими ушами. Редко бывает, что одинокий слон намеренно атакует охотника, но самая большая опасность возникает, когда потревоженное стадо, атакующее во всех направлениях, слепо бросается на все, что преграждает им дорогу.

Используя прикрытие старого термитника мы подкрались на десять ярдов от самца, который был огромным чудовищем. Его уши уже поворачивались, чтобы поймать шум приближающейся опасности, но прежде чем он ее обнаружил, Гослинг дважды выстрелил ему в плечо. Мгновенно самки с молодым бросились вправо, а раненый слон повернулся и бросился в противоположном направлении. После захватывающей гонки в пятьсот ярдов мы приблизились к слону на открытой поляне, где он стоял среди остального стада. Услышав шум нашего приближения, но ничего не увидев, потому что кровь залила его глаза, слон обернулся и получил еще три пули.

При виде столь безвредного, такого беспомощного, такого благородного зверя, сведенного до куска мяса, чтобы быть расчлененным руками негров, работающих быстрее, чем черви, я зарекся больше никогда не убивать слона.

Было уже темно, и мы провели сложные четыре часа, возвращаясь в лагерь, нащупывая наш путь в высокой влажной траве. С большим облегчением мы услышали сигналы от Хосе, который призывал нас в лагерь, куда мы прибыли в десять часов вечера, измученные трудами и волнениями прошедшего дня.

На следующий день горячее солнце дало нам возможность высушить наши влажные вещи, и было комфортно спать на сухом одеяле и снова надеть сухие вещи.

Тем временем весь лагерь под руководством Хосе вышел, чтобы разделать тушу слона и принести мясо и бивни. Бивни были хорошими, правильной формы, один длиной 5 футов 8 дюймов (173 см), другой 5 футов 3 (160 см) дюйма, оба в окружности по 17 дюймов (43 см).

Наш следующий лагерь был рядом с прекрасным бассейном, наполненным бегемотами. Это был именно тот бассейн, который мы отметили раньше на нашем пути. Здесь мы застрелили двух маленьких гиппопотамов, чтобы запастись кулинарным жиром.

25 августа из-за увеличения количества воды крокодильи пороги представляли из себя менее грозный проход, и мы прошли по боковому каналу, не посчитав нужным разгрузить лодки, и к двум часам снова расположились у Ирены.

Мы переместили наши палатки из нищеты маленькой деревни Ирена на большой песчаный берег на противоположной стороне реки. Эта позиция имела несколько преимуществ потому, что земля здесь высохла намного раньше после проливных дождей, а ее более или менее изолированное положение позволило нам более пристально следить за «боями», у которых теперь было не так много шансов для озорства в деревне.

Надо было остаться здесь на несколько дней, прежде чем начать подниматься по реке Грибинги в форт Кремпель, нашу следующую цель. Хосе вернулся с одной из лодок в Форт-Аршамбо, чтобы привезти еще один запас зерна, потому что мы не могли рассчитывать на возможность пополнения запасов провизии в предстоящем путешествии. Время «боев» было полностью занято упаковкой наших запасов в обветшалые коробки, в то время, как составление карты Баминги держало нас в палатках почти весь день.

Диапазон территорий, охватываемых описаниями в данной главе: форт Аршамбо (северная граница диапазона) – белая стрелка; река Убанги (южная граница диапазона) – красная стрелка. Река Конго (за пределами диапазона) – желтая стрелка

30 июля светило великолепное жаркое солнце, и мы воспользовались возможностью высушить наши вещи. Песчаный берег являл странное зрелище, будучи усеянным всеми нашими вещами и одеждой. Но в три часа внезапно начало темнеть и началось солнечное затмение, когда тень луны начала накрывать солнце. «Бои» столпились вокруг меня, чтобы увидеть явление через кусок закопченного стекла.

Форт Аршамбо на реке Шари (белая стрелка), река Грибинги (красная стрелка), река Убанги (желтая стрелка)

Гослинг, который всегда предпочитал походы по суше, чтобы облегчить лодки, и на этот раз готовился идти пешком, но в последний момент дорога оказалась непроходимой из-за дождей. К счастью, 3 августа французская стальная лодка прошла по реке с почтой, поэтому Гослинг пошел на ней с тремя «боями», которые страдали от дракунулёза и поэтому были бесполезны для работы. Через два дня я и Хосе ушли из деревни на лодках.

Река Грибинги небольшая, ее низкие берега, покрытые густыми рощами деревьев, очень редко бывают крутыми. Примерно в восьми милях от устья есть серия из трех порогов с сильными течениями, но при высокой воде можно с некоторым трудом перемещаться по ним на лодках с осадкой не более 2 футов. На шестьдесят миль выше по течению река сужается до тридцати ярдов, становясь извилистой, иногда с крутыми берегами. Кустарники с красными ягодами украшают берега, и местами раскидистые ветви уменьшают ширину прохода до пяти ярдов. Дальше, примерно в ста милях, находится форт Кремпель.

Пороги реки Грибинги

Плавание вверх по Грибинги, реке длиной около двухсот тридцати миль, оказалось трудной задачей, и прохождение устья со стремительным течением стало почти катастрофическим для одной из лодок, которая была перенесена силой течения под нависающие ветви деревьев. Люди были сметены в воду, а лодка чуть не опрокинулась. Из-за глубины работать шестами стало невозможно и пришлось использовать весла; иногда мы помогали себе, подтягиваясь за нависающие ветви. Можно представить, насколько медленным и утомительным было наше плавание, мы редко делали больше мили в час. Часто лагерь приходилось разбивать в проливной дождь в болотистых лесах с высокой травой в 12 футов, но было замечательно видеть, как несколько лагерных костров оживляли эти зловещие места. Наши «шестовики» из племени сара, которые были голыми, выглядели жалко, придвигаясь к кострам всю ночь, страдая от москитов. Тем не менее, несмотря на все это, у них было достаточно еды, чтобы поддерживать и тело и душу. Они весело делали свою ежедневную одиннадцатичасовую работу шестами.

Дожди достигли своей кульминации; мы часто разбивали лагерь под потоками дождя с яркими вспышками молний. Примерно в середине сентября проявились признаки ослабления дождей; ночью выпадали тяжелые росы, а дождь был короче; к концу октября сезон дождей совсем закончился.

Берега рек мало населены; в непосредственной близости от трех небольших лесозаготовительных станций Рату, Финда и Вуджа есть деревни, но они бедны, и мы не смогли получить там достаточно продовольствия.

Стальная лодка на реке Грибинги

Жители, которые являются частью многочисленного народа банда, называли себя вуджа. У их низкорослых мужчин широко расставленные глаза; туземцы имеют заметное сходство друг с другом в форме их носов, которые очень широки у переносицы, а затем заканчиваются острым концом, как морда ежа. И мужчины и женщины носят темные и светло-голубые бусы, аккуратно развешенные вокруг их чресел, шеи и рук. Женщины вставляют в ноздри тонкие металлические палочки длиной 3 дюйма, которые изогнуты, как клыки кабана; они также носят

«пелеле» – диски из дерева и металла в верхней и нижней губе. Иногда на запястья и ноги надевается большое количество тяжелых железных колец. Они окрашивают головы и тела краской, которую делают из красной земли.

Хижины туземцев грязные, разбросаны по огородам, где они выращивают индийскую кукурузу, табак и бобы. Мы обнаружили, что бисер и соль являются наиболее востребованными товарами для обмена.

30 сентября мы прибыли в форт Кремпель, небольшую французскую станцию гражданской администрации, штаб-квартира которой находится в Банги; ее северная граница лежит на левом берегу Баминги, который отделяет ее от территории Чада, находящейся под властью военной администрации. Станция названа в честь исследователя Кремпеля, который возглавил экспедицию из Конго к озеру Чад и был выдан чернокожими его собственного каравана в руки эмиссаров султана Сенусси и убит в Кути в провинции Дарунга в апреле 1891 года. Винтовки и боеприпасы, принадлежащие экспедиции, были отданы султаном Рабиху, чей сын Фадерелла женился на дочери султана. Насколько Сенусси был ответственен за убийство Кремпеля, неизвестно, но он смелый парень, и французы считают необходимым сохранять вооруженную силу в Н'деле. Хотя султан дал клятву верности Жантилию при его возвращении от озера Чад в 1898 году, но в следующем году он тайно сообщил Рабиху о движении отряда Жантилию по реке Шари к Куссери.

В форте Кремпель есть небольшой завод, принадлежащий компании Napa, которая торгует каучуком и слоновой костью. Каучуковые лозы обильно растут в «маригонах» или тропических лесах, которые многочисленны в этой части французского Конго; действительно, это богатая страна, очень отличная от бесплодной территории Чада, которая бесполезна для колонизации и какой-либо торговли.

Сбор каучука и добыча слоновой кости затруднены из-за беспокойного состояния района, населенного племенами мунджиа и банда. В декабре 1904 года двадцать четыре сенегальца, служивших французам, были убиты и съедены, а их головы впоследствии были издевательски выставлены в ряд с кусочками резины, вставленными между зубов.

На заводе работают «бои» из Сьерра-Леоне, которые говорят по-английски, путешествуют в буш и покупают каучук и слоновую кость у туземцев. Туземцы доставляют каучук в маленьких шариках, которые упакованы в длинные корзины из травы. Они часто достаточно хитры, чтобы заполнять центр шаров грязью и кусками дерева. Что касается слоновой кости, в стране разбросано большое количество бивней умерших слонов, но вожди поставляют только маленькие бивни, требуя в обмен за более крупные бивни ружья, запрещенные к продаже правительством.

Другими товарами, которые пользуются спросом у аборигенов, являются старомодные ливреи кучеров с гербовыми пуговицами и старые мундиры британских полков. Однажды я помню, как в форт Кремпель прибыл вождь с какой-то провизией во главе процессии из обнаженных мужчин и женщин. Это было комическим зрелищем, так как вождь был одет не во что иное, как красную тунику, которая «провозгласила» его почетным посмертным рядовым Эссекского полка.

Форт Кремпель построен у подножия крутого, конического холма из камня высотой 200 футов, из которого вытекает прекрасный источник чистой воды, а кое-где в его складках растут дикие банановые деревья. С вершины открывается великолепная панорама на все стороны, кроме востока, где преобладают бесконечные тропические заросли.

Люди мунджиа и банда – это неразумные, деградированные существа, и у них так много близкородственных браков, что их трудно различить друг от друга. Представители этих племен разбросаны по всей стране между этой территорией и Убангуи, будучи вытеснены на юг набегами работоторговцев Рабиха и султанов Багирми. Они являются заядлыми каннибалами и поклонниками волшебных амулетов, носящими варварские украшения, которые свидетель-

ствуют о низком интеллекте и еще более низкой цивилизации. Черты женщин искажены металлическими дисками в губах, они также носят толстые медные или железные кольца в ноздрях и верхних губах в дополнение к изобилию железных браслетов на руках и ногах. Связки человеческих зубов свисают с их ушей и нитей вокруг шеи и чресел. И мужчины, и женщины имеют передние зубы, подточенные в треугольную форму.

Их конические хижины с крышами из соломы имеют очень низкие глиняные стены и пол, вырытый на 2 фута ниже уровня земли. Снаружи всегда есть амулет «ju-ju», состоящий из игрушечной соломенной лачуги на деревянной платформе, на которой также размещены гнилые яйца, а иногда челюсти или маски диких животных, украшенные крыльями и перьями белых птиц.

Наше время в форте Кремпель не было безоблачным, и среди наших чернокожих распространилось недовольство, они начали симулировать болезни, желая вернуться домой. Была необходима твердая рука, чтобы пресечь в зародыше бунт, который подняли «шестовики» - арабы, нанятые в Форт-Лами. Никогда не стоит полагаться на помощь выходцев из стран, через которые проходит экспедиция, поскольку, как только они находят свою работу слишком долгой или слишком урезанный рацион пищи, они уходят в самый критический момент. Мне было очень жаль, что Букар («шестовик» из нашей первой партии) вместе с арабами покинул нас. Однако, в свете его постоянной лояльности и превосходной работы, я уже давно простил его.

К этой проблеме добавилась сложность в поисках продовольствия; было мало зерна, и не было мяса, из-за мухи цеце, которая здесь изобилует. Наши проблемы увенчались потерей Джаггры, который умер смертью короля, переполнив свое горло излишками кукурузы.

В таких неблагоприятных обстоятельствах мы не испытали сожалений, когда пришло время уходить. Мы теперь покинули реку, чтобы отправиться в Кребедже, в пятидневный путь, с намерением добраться до Убанги, спустившись по реке Томи. Хосе, тем временем, перенесет лодки через речку, названную Нунной, которая имеет приблизительно двадцать ярдов в ширину и впадает в Грибинги, в полумиле выше станции. Он встретит нас в точке, где дорога пересекает реку в трехчасовом марше от форта Кремпель. Мы расположились лагерем, пока лодки были разобраны на части, и все было готово к сухопутным путешествиям. Форсирование Нунны было выполнено с трудом из-за деревьев, которые густо росли вдоль берегов.

Наша дорога шла по французскому маршруту снабжения районов Шари и Чада из Конго; этот маршрут был первоначально открыт Жантилем, который впоследствии спустился по Грибинги из места где сейчас находится форт Кремпель. С того времени путь регулярно использовался французами, хотя Грибинги не является судоходной рекой. Французы также открыли новый маршрут по Куми и Фафа, небольшим рекам, которые соединяются с рекой Бахр-Сара, впадающей в Шари ниже Аршамбо. В течение семи с половиной месяцев коммуникации по реке Шари поддерживались стальными баржами длиной около 30 футов и 3 фута шириной, которые приводились в движение «шестовиками». Во время сезона дождей большая часть трафика осуществляется небольшим парходом с кормовым колесом, который может подняться по Грибинги до форта Кремпель.

После того, как лодки были разобраны, я и Хосе пошли вперед с их частями, в то время как Гослинг ждал до следующего дня, когда было собрано достаточное количество носильщиков, чтобы доставить остальную часть грузов. Французское правительство снабдило нас людьми; их было сто тридцать два туземца, это было все, что можно было получить; они выглядели странно, многие из них были почти мальчишками. В течение двух дней они работали в самых трудных условиях, потому что было очень мало еды, и когда дневной переход заканчивался, голод заставлял их рыскать по кустам в поисках фруктов. На третий день многие дезертировали, и дорога через интервалы была усеяна ящиками и секциями лодок, так как каждый сбежавший носильщик, воспользовавшись возможностью, бросал груз на тропу и скрывался

в высокой траве. Мне нечего было делать, кроме как оставить вещи там, где они упали, и отправиться в следующую деревню, куда я добрался смертельно уставшим в восемь часов.

На следующее утро Хосе удалось нанять много людей, которых нам удалось получить через вождя, и они принесли брошенные грузы. После этого дела пошли лучше; дни были более прохладными, а дороги лучше. С помощью более сильных носильщиков мы без проблем достигли Кребеже 12 октября.

Наш поход по низкому перевалу Шари-Убанги был завершен без особых инцидентов, потому что мы шли по хорошо проторенной дороге, и каждый день приводил нас в более южные широты.

В Кребеже мы попали в добрые руки господина Габориада, администратора, который проявил гостеприимство, предложив нам оставаться у него сколько угодно. Но как бы нам не хотелось продлить наш визит, нас звала жизнь буша, и Гослинг отправился в сторону Кеммо, чтобы найти слона, а я начал изучение группы изолированных холмов из железного камня, известной, как Кага Джирри, расположенной в 25 милях к западу от поста. Всего здесь около десяти холмов, лежащих примерно в миле друг от друга; самый высокий холм всего 400 футов (120 метров). В трех милях к югу расположена река Томи, до пятнадцати ярдов шириной, питающаяся небольшими притоками с холмов и текущая на восток.

На расстоянии холмы выглядели голыми, но трава, которая заполняла долины и склоны, была такой высокой и густой, что мне пришлось прорезать тропу, чтобы подняться на них. Спустя какое-то время, когда каждый холм был «оборудован» тропой, я мог пойти прямо к месту нашего сбора и избежать пути среди высокой травы равнин.

Кеммо (в настоящее время Sibut)

В этой стране я провел самое приятное время и получил сорок восемь экземпляров птиц, из которых двадцать видов были новыми для моей коллекции.

На холмах нет обитателей, но окружающая их страна населена людоедами н'диконго, ветвью народа банда. И мужчины, и женщины – заядлые курильщики; они красят свои тела медно-красным составом, который женщины добывают из коры какого-то дерева. Однако, только в некоторых случаях окрашивается все тело, например, когда человек выбирает или покупает жену. Помимо традиционных дисков, растягивающих губы, и других украшений, распространенных у банда, женщины здесь носят металлический шип 4 или 5 дюймов длиной, который свисает с нижней губы.

Река Грибинги (красная стрелка), река Томи (белые стрелки), река Убанги (желтая стрелка)

Каждая деревня независима и управляется вождем, который является самым сильным и беспринципным человеком сообщества. Если туземец слишком далеко отходит от своей деревни, он рискует попасть в руки соседей, которые захватят его, как раба, или если не смогут поймать его живым, то убьют и съедят. Когда вождь умирает, в деревне поднимается общий шум, и всех жен вождя убивают и хоронят вместе с ним. Но в случае смерти не вождя, а влиятельного старосты, его тело предается земле на живой подстилке из половины его жен под аккомпанемент музыки и танцев.

У этих людей спросом пользовались соль, бусы и ткань.

23 августа я вернулся в Кребеж, где Хосе собрал лодки и приготовил все для начала путешествия по реке Томи. К настоящему времени «бои» стали достаточно умелыми, и одна лодка была собрана и спущена на воду в течение трех часов. На следующий день мы отправились в Кеммо, где я договорился встретиться с Гослингом.

Томи – довольно маленькая речка, меньше всех, что мы видели в Африке, кроме Нунны, которая на нее очень похожа. В Кребеже ее ширина не более пятнадцати ярдов. Страна с обеих сторон открытая, но густые пояса деревьев покрывают берега и прячут перспективу, а маленький поток очень извилистый, как лабиринт под аркой нависающих над головой ветвей и лиан.

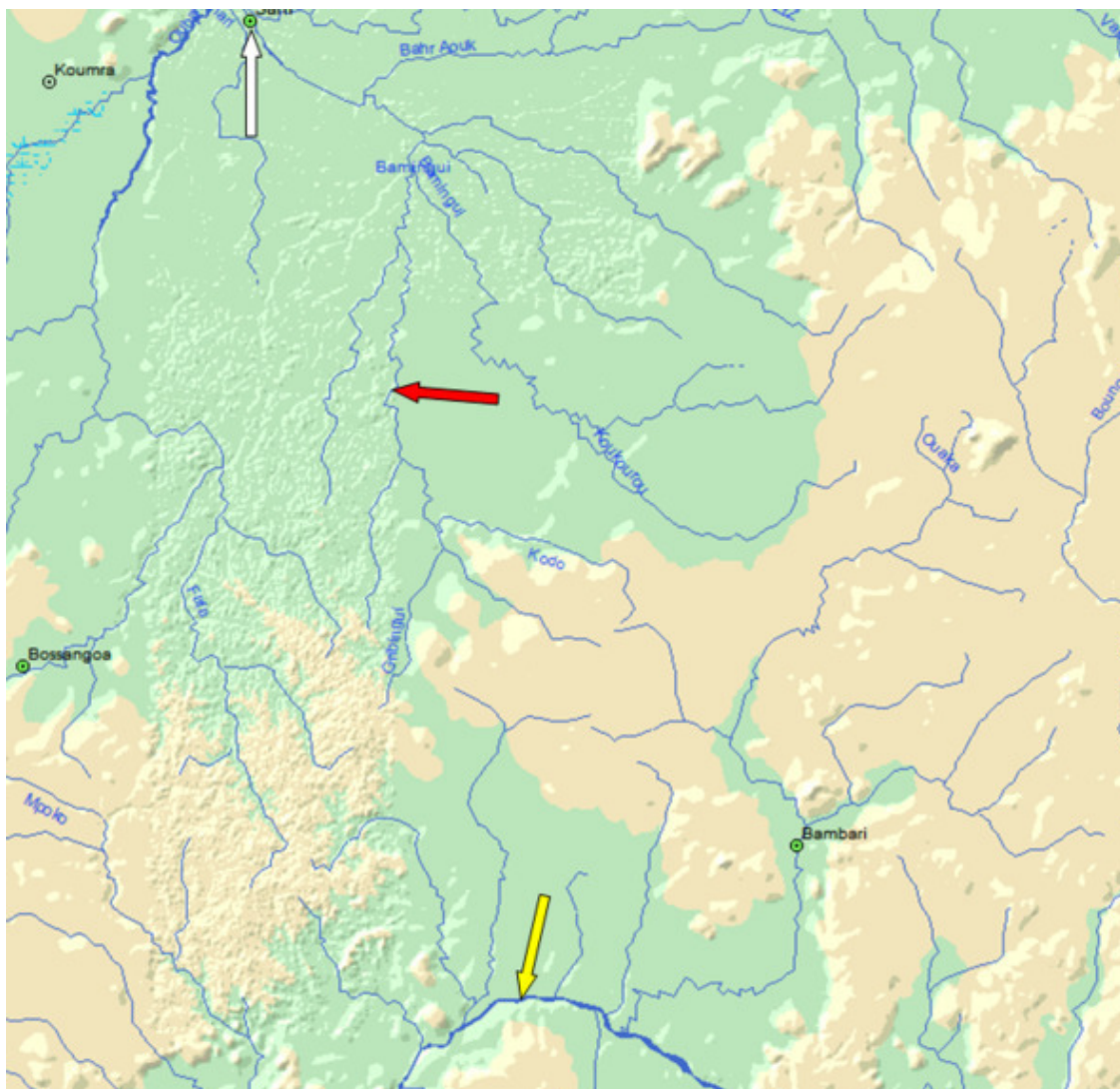
За три дня мы прошли около шестидесяти миль. Здесь река расширяется до сорока ярдов, выдерживая прямой курс на протяжении иногда до восьмисот ярдов, где лесные пояса также расширяются и приобретают более пышный тропический вид. В отдельных местах есть рифы и скалы, которые требуют тщательной осторожности при плавании. Туземные каноэ, перевозят каучук между Кребеже и устьем, но для лодок нашего размера плавание по этой реке затруднительно, камни, спрятанные в воде, низкие ветви над головой, и деревья, упавшее прямо через поток, делают спуск по реке опасным. На четвертый день мы добрались до Кеммо, небольшого французского поста, и встретили Гослинга, ожидающего нас. Он охотился на слонов и убил своего четвертого и последнего слона. Французы были очень добры к нам в отношении нашей охоты, и отказались принять плату за лицензии на отстрел животных.

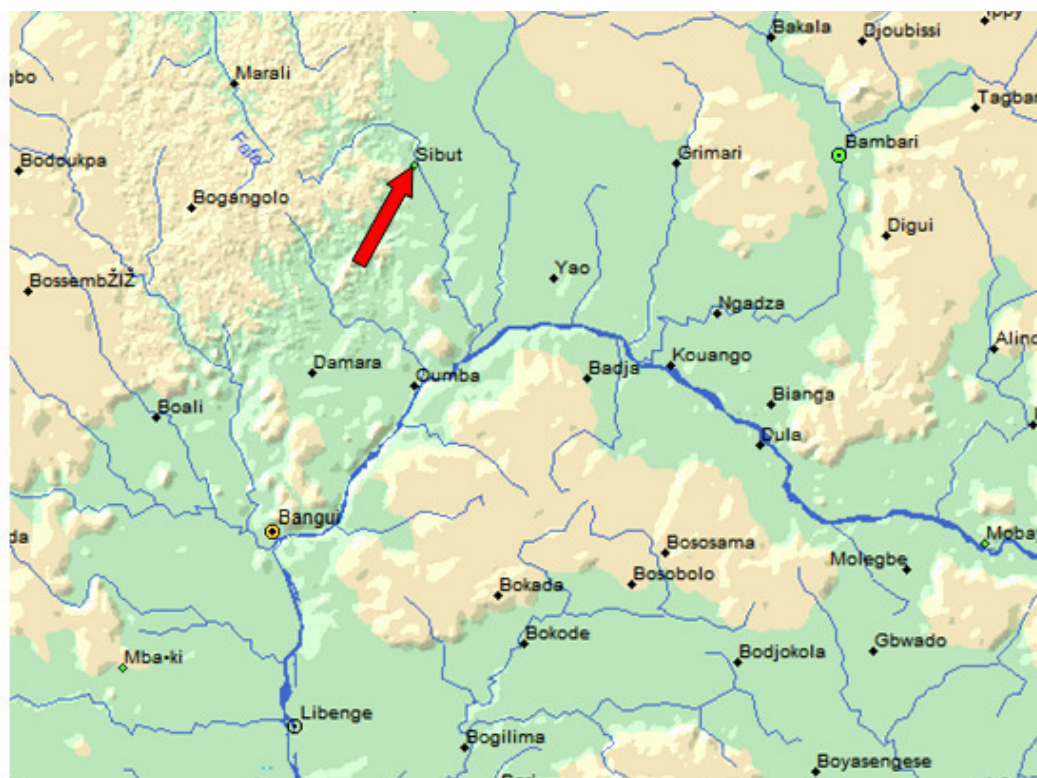
В течение всего года, кроме как на обратном пути вниз по Баминги, когда плыли по течению со скоростью три мили в час, мы все время шли против течения, часто делая не больше, чем милю в час. Но теперь шесты были убраны, и мы спустились по расширившейся реке со скоростью 7 миль в час. Когда мы увидели просторную серебряную поверхность реки Убанги, и все неподвижно смотрели вперед, я почувствовал, как лодка двигается подо мной, как живое существо, которое прыгает при виде большого простора воды, который выведет его к морю.

Река Убанги (фото с сайта commons.wikimedia.org)

Глава XXVII. Наше путешествие вверх по реке Убанги

В Кеммо река Убанги имеет ширину 1200 ярдов; первый взгляд на широкую поверхность воды, сияющую серебром на солнце, был очень впечатляющим, и нам, выходящим из зеленого туннеля маленькой реки Томи, казалось, что мы попали, чуть ли не в море, поскольку линия противоположного берега выглядела непривычно далеко.

В дальнейшем наш курс всегда будет лежать на восток, пока мы не достигнем Нила. Каждое утро, когда мы поднимали наши лица к солнцу, а лодки плыли вверх по широкой реке, которая протекала по открытой земле с множеством процветающих деревьев, в наших сердцах была радость, потому что мы чувствовали, что победили, пройдя через запутанные тропинки лесов и извилистые русла небольших рек, и были как бы на шоссе, ведущем к дому.

4 ноября 1905 года мы начали плавание вверх по великой реке. Приятные ощущения предыдущего дня, когда мы быстро скользили вниз по течению, быстро исчезли потому, что теперь мы снова плыли против течения. Это была тяжелая работа и медленное движение вперед, когда мы плыли вдоль правого берега в тени деревьев и выходили из тени, чтобы избежать нависающих ветвей, которые закрывали вид на открытую саванну к северу. Характер левого берега, за исключением прибрежных деревьев, которые висели над рекой, являл собой непрерывный вид на открытую, волнистую страну, покрытую высокой травой. Пройдя тридцать миль за два дня, мы прибыли в католическую миссию Святого Эсприта, где нас приветствовали отец Моро и три его помощника. Миссия, которая была создана тринадцать лет назад, включала в себя прекрасный двухэтажный кирпичный дом, полностью построенный этими людьми. Они воспитывают триста мальчиков и девочек, которых приучают к полезной работе – навыкам плотника, каменщика, работе на фермах, где в достатке растут картофель, бобы и другие культуры. Они также ухаживают за коровами в количестве ста голов, стадом овец и многочисленными свиньями. В миссии есть шестнадцать лошадей, которых миссионеры подковали. Кроме того, они делают вино из фруктов и варят хорошее легкое пиво, производят ветчину, масло и сыр. Дети редко посещают свои семьи, а многие вообще отказываются возвращаться домой. Отец Моро был на своем посту в течение семи лет.

После четырех дней сбора коллекций и неудачной попытки Гослинга найти антилопу бонго, которая, как говорят, обитает в этой местности, мы попрощались с добрым отцом Моро и его братьями, одному из которых мы были очень признательны за его искусное исправление наших ветхих рулей.

Немного выше миссии река сильно отклоняется к северу, расширяясь до мили. Примерно через два дня после выхода из миссии, или в пятидесяти милях от Кеммо, быстрое течение создало для нас проблемы, но, по мере того, как мы продвигались вверх, плавание стало более легким, а скалы на встретившемся пороге были ясно видны издалека. Бельгийский, или южный берег, является более удобным, чтобы прижавшись к нему, миновать этот порог. Выше этого порога по течению река пересекается группами узких островов, покрытых большими деревьями. На левом берегу рядом с рекой расположена цепь холмов высотой не более 180 футов, поросших редкими деревьями.

Воин-банзири. Французское Конго (фото с сайта commons.wikimedia.org)

Теперь мы были в стране, населенной племенем банзири, и не обнаружили трудностей с посещением их деревень, рядом с которыми мы каждую ночь разбивали лагерь; последние четыре дня шли сильные дожди, которые начинались к вечеру и продолжались всю ночь.

Деревни банзири находятся недалеко от реки; хижины расположены в двух длинных линиях, образующих широкую улицу. Они хорошо построены, чисты, и являлись лучшими из всех, что мы до сих пор встречали. Хижины имеют форму пчелиного улья, с густыми травяными крышами, свисающими до земли; они имеют небольшие входы, но вместительны

внутри, диаметром около 12 футов. Иногда можно увидеть квадратный или прямоугольный дом из глины, владелец которого попал под влияние белого человека и скопировал его стиль. Такой хозяин, как правило, является отставным солдатом какого-нибудь французского туземного гарнизона, который снова обосновался в своей деревне после службы на побережье.

По всей реке мы встречали густонаселенные деревни. Некоторые из них протянулись вдоль берега на расстояние более мили. Жители здоровы и процветают, что представляло приятный контраст после грязных маленьких деревень с еще более грязными обитателями, которых мы недавно встречали спрятавшихся в зарослях или кукурузе.

Банзири, по большей части, населяют узкую полосу страны вдоль правого (французского) берега реки Убанги от Кеммо до Моббая. Они не являются воинственным народом и не выходят далеко за пределы своей страны, опасаясь соседей, таких, как лингвази и линга, которые сродни народу банда, чьи каннибальские пристрастия они разделяют.

Семья банзири. Французское Конго (фото с сайта commons.wikimedia.org)

Банзири, похоже, сравнительно недавно пришли на эту землю, так как отличаются от всех уродливых соседей. Здесь они процветали в мире, потому что это, пожалуй, единственная часть Центральной Африки, которая избежала набегов Рабиха и арабских работорговцев с севера.

Кеммо (в настоящее время Sibut) – красная стрелка; Моббай (Mobaye) – белая стрелка

Банзири отличаются большой любовью к торговле; было очень забавно наблюдать, как далеко иногда идут их требования в процессе торгов, совершенно необоснованные и обескураживающие. За ничтожное количество кукурузы, которое стоило не больше ложки соли, они просили четыре ярда ткани, а когда получали отказ, гордо удалялись, оставаясь непоколебимыми в своих требованиях; но когда они увидели, что мы не собирались уступать, то, чтобы не упустить сделку, продавали свою продукцию через своих друзей (чтобы не показать, что они сдались) по нашей цене.

Это хорошие фермеры, рыбаки и опытные лодочники. С помощью своих каноэ они ведут оживленную, выгодную для себя торговлю. Банзири продают свою рыбу за бусы, и вместе с этим покупают маниоку (своего рода картофель) у соседних племен; затем они везут маниоку вниз по реке в Бангуи, где меняют на плоские, треугольные кусочки железа или «гинга», как их называют. При этом они возвращаются и меняют железо на коз и птиц у бубуса, племени, обитающего в глубине саванны, люди которого очень ценят железо и изготавливают из него наконечники для копий. Затем банзири везут коз и птиц вниз по реке и продают их по хорошей цене, что позволяет им плыть на французскую факторию и покупать то, что им нравится.

«Гинга» (кусочки железа) рассматривается туземцами, как самая ценная валюта, за сто кусков можно купить жену, но наиболее распространенной валютой является соль или очень маленькие красные и белые бусины, постоянный спрос на которые удивляет; их ценность всегда одна и та же.

Женщины страстно любят красные бусины, которые они нанизывают на нити и носят вокруг головы. Эти многочисленные нити так тесно переплетаются с волосами, что создают вид плотно облегающих шапок. Тяжелое ожерелье толщиной в один дюйм и плотно сплетенное из бус, висит вокруг шеи в виде конского хомута. Спиральные медные кольца носят вокруг лодыжек и ниже колен.

И мужчины, и женщины красят свои тела красной краской, сделанной из коры дерева, также, как сара и другие племена. Прежде чем нанести краску, они намазывают себя грязью; в этом подготовительном состоянии они представляют очень страшный вид.

Группа воинов-банзири. Французское Конго (фото с сайта commons.wikimedia.com)

Банзири – это люди хорошего телосложения, с более привлекательными лицами, чем у их соседей. Они выглядят более похожими на нубийцев, чем на банту. Как правило, женщины, которые намного превосходят мужчин по численности, ходят голыми, поэтому ткань у них

ценится мало. Молодые девушки особенно приятны и кокетливы в своих общениях с незнакомцами.

В общем, банзири говорят на «сунго», легком языке, который также является языком торгового общения по всей длине реки.

Для отпугивания злых духов люди этого племени используют палки с рыбьими головами и раковинами, воткнутые вдоль реки. На реке разбросаны их рыболовные ловушки. Ловушки имеют конусообразную форму и состоят из двух частей, каждая у основания диаметром в 9 футов. Это странное зрелище, когда по реке дрейфует каноэ несущее одну из этих огромных корзин, на фоне вечернего заката с приземистой фигурой человека на корме.

Другим средством ловли рыбы, которое используют банзири, являются заграждения из тростника, которые устанавливают поперек устья ручьев и заводей.

Все время нашего путешествия по Убанги мы посвятили себя сбору зоологических коллекций: я очутился в ситуации, лучшей, чем Гослинг, поскольку птицы и мелкие млекопитающие не занимают много места, но головы и шкуры крупной дичи всегда представляли сложную проблему для их размещения в лодках, поскольку в настоящее время мы были лишены возможностей для отправки образцов на побережье океана.

Гослинг оставил меня в маленькой деревне банзири в тридцати пяти милях выше впадения реки Кванго, где я хотел пополнить свои коллекции. Сам он продолжил путешествие длиною в день до большого речного острова Лума, где он надеялся найти редкую антилопу бонго.

Девушка банзири

Деревня, в которой я остановился, находилась на правом берегу, недалеко от цепи нисходящих холмов высотой 150 футов, овраги и впадины между которыми были заполнены необычными деревьями и зарослями неизвестного вида кустов. Поэтому я провел несколько дней в исследовании этой местности, отправляясь утром и вечером на длинные прогулки с Мамой Борну, одним из наших арабских лодочников, ставшим моим оруженосцем с тех пор, как мы покинули форт Аршамбо.

Время от времени в высокой траве, через которую я должен был пробираться, чтобы дойти до холмов, я наткнулся на поляны, площадью не более, чем акр, где туземцы растили кукурузу; эти посадки были полностью скрыты высокой травой, которая окружала их, и были защищены таким образом от соседних дикарей, которые иногда грабили посевы речных людей.

Антилопа бонго (фото с сайта commons.wikimedia.com)

Вид этих холмов чрезвычайно красив, и у меня было много времени, чтобы наблюдать их, медленно пробираясь по маленьким водным путям, где берега забиты густыми кустами и лианами, которые взбираются по оврагам. Иногда, когда я стоял неподвижно, чтобы наблюдать, как птицы летят над моей тропой, я слышал, как соловей пел в глубине зарослей, но его песня звучала здесь намного слабее, чем в английском лесу; или мое внимание привлекла белка в верхушках деревьев, выражающая сотрясанием ветвей сердитый протест против моего вторжения.

Всякий раз, когда я добывал редкую птицу, мое удовлетворение разделял мой «бой», который всегда получал дополнительный пищевой паек в виде мяса этой птицы. Мама очень заинтересовался работой, и когда подбитая птица падала в заросли, его острый глаз был очень зорким, чтобы заметить это; затем он бросался, как охотничья собака, туда, где упала дичь, и было большим облегчением, когда в ответ на мой тревожный вопрос «Ва гуду?» («Сбежал?») я получал ответ «Баху» («Нет»).

С вершины холма был прекрасный вид; к северу до горизонта раскинулось море высокой травы, на ветру размахивающее легкими валами, как океан, здесь и там поднимался небольшой остров в виде холма с темно-зеленой листвой. На юге, через широкую сверкающую на солнце полосу реки, сцена менялась; повсюду были лес и трава на темной линии лесистых холмов, которые ограничивают водораздел великой реки Конго.

Прогулка последнего дня глубоко меня впечатлила. Утро было очень жарким, и, когда я вышел из душных зарослей на открытый холм, я благодарно почувствовал ощущение прохладного ветерка на моем лице. Моя работа на этот день была закончена, и я поторопился вернуться в лагерь. Когда приблизился к подножию холма, я поскользнулся на скользком камне и упал, сильно ударившись головой о камень. Больше я ничего не помню.

Придя в сознание, я ощутил горящее солнце на лице, но когда открыл глаза, все было темно. Затем я увидел, как Мама спустился с холма, неся воду в емкости, которую он сделал из листьев. Я приложил руку к затылку, и она сразу стала влажной от крови. Мама сказал, что я пролежал без сознания полчаса. Вода освежила меня, а затем маленькими шагами я пошел обратно в лагерь, где остался на следующий день, ухаживая за больной головой, а Хосе продолжал собирать продовольствие для нашего путешествия завтра.

У банзири нет вождей, и в каждой из деревень, куда мы приходили, провизия предоставлялась нам отдельными порциями от разных семей. Когда я отдыхал в лагере в тот день, я смотрел, как женщины приходят и уходят по два-три раза в палатку Хосе с калебасами зерна. Галадима, интендант, должен был совершать платежи, выкладывая в каждый пустой калебас ложку соли или бисера, в зависимости от того, что было принесено взамен: но соль была более востребована. Было забавно наблюдать за тем, как женщины прижимаются всеми своими престями к пожилому Галадиму, который порой растягивал процесс обмена в зависимости от его понятий о женской привлекательности. На небольшом расстоянии ждали мужа, чтобы осмотреть и одобрить покупки, в процессе, при котором всегда удается унести некоторое количество соли на пальцах, которую они жадно лизали после возвращения калебаса женщинам.

На следующий день мы добрались до Лумы и присоединились к Гослингу, который к моему сожалению, с тех пор, как мы расстались, подвергся сильным приступам лихорадки, в дополнение к тому, что торнадо уничтожил его палатку.

Остров Лума протяженностью в три мили длиной на одну в ширину, как и другие острова на реке, является нейтральной территорией между французами и бельгийцами. Он покрыт тропической растительностью, а каучуковая лоза растет здесь в изобилии. Это курорт для слонов и красных речных свиней.

Остров Лума на реке Убанги

Здесь я остался на день, чтобы оправиться от падения, в то время, как Гослинг снова отправился на другой остров. Выше Лумы река делает изгиб на юг между пологих округлых холмов, лишенных деревьев. По мере того, как вы путешествуете, меняется вид реки; теперь она шириной около 1000 ярдов, а крупные лесистые острова делят поток, который образует ряд бухт длиной от 800 до 1000 ярдов. На островах обитают слоны, буйволы, антилопы-бушбоки и свиньи.

Начиная с Лумы и в верх по течению на расстоянии дня пути, оба берега заселены людьми племени блакка или сакка, частью народа сунго. Их верхние зубы подточены в треугольную форму, как у мужчин, так и у женщин. Последние, украшают свои тела рисунками, вырезанными ножом.

Они говорят на том же языке, что и банзири.

Выше Лумы берега очень густо заселены, а в селении племени блакка под названием Тунгбо, в трех днях выше по реке, дети буквально роились. Когда мы проходили мимо, лодки были окружены всей деревней, жители которой пытались остановить нас, умоляя меня остаться и настрелять им немного дичи, потому что Гослинг за два дня до этого привил им вкус к дармовому мясу, убив трех буйволов на острове недалеко от селения. Люди висели на бортах, как пиявки, и следовали за нами, по крайней мере, мило, плывя рядом, смеялись и хлопали в ладоши. Эти люди не охотники, поэтому мясо ими очень ценится.

Как потом выяснилось, лучше было бы остановиться в этом дружественном селении, вместо того, чтобы поздно ночью высаживаться на берег в небольшой деревне племени блакка,

расположенной на правом берегу в 400 ярдах от воды. Здесь было грязно и неудобно; единственное место для моей палатки, свободное от высокой травы, которая окружала деревню, было пространство рядом с хижинами. С самого начала ситуация не обещала ничего хорошего, потому что, пока мои люди устанавливали палатку, сердитые жители собрались вокруг и попытались остановить работу, заявив, что не хотят, чтобы в их деревне был белый человек. После некоторой ссоры и борьбы аборигены были изгнаны и попрятались в свои дома; но прошло короткое время, и у нас начались серьезные проблемы. Когда мои люди пошли в деревню, чтобы попросить дров, на них полетели камни из хижин. Это заставило их «возмутиться», и они начали закидывать камнями своих противников; затем последовала оживленная сцена, и несколько голов были разбиты. Настало время вмешаться мне; поэтому, взяв капрала и двух других людей, которые были на страже у лодки, я быстро последовал к деревне, и с помощью Хосе нами был захвачен главарь, который оказался вождем деревни. Его быстро связали, заломив руки за спину, и поручили капралу стеречь смутьяна ночью, а затем я собирался отвезти его в Моббай.

Метод связывания у людей хауса довольно жестокий, и к жертве не проявляется милосердие, веревки настолько плотно стянуты, что глубоко врезаются в плоть. Я пожалел о тяжелом положении вождя и приказал капралу ослабить веревки, во многом против воли последнего, который сказал, что в этом случае его заключенный убежит. И верно, поздно ночью раздался всплеск, и охранник вскочил, только чтобы наблюдать, как наш пленник уплыл в темноту. Чуть позже начали грохотать барабаны в отдаленной деревне, чтобы сообщить новость о побеге вождя, и бой барабанов, сопровождаемый криками, продолжался всю ночь.

На следующее утро вокруг не было ни души, чтобы засвидетельствовать нашу подготовку к отплытию. Но как только лодку оттолкнули от берега, копьё ударило в ее борт, и в следующий момент из тростника выпрыгнул «наш друг» с двумя другими голыми дикарями, вооруженными щитами и копьями, чтобы дополнить сцену расставания насмешливыми криками и жестами.

Плавание по реке было теперь очень сложным из-за большого количества островов, и, не зная, где в это время находился Гослинг, я на день остановился в ближайшей деревне, где мой товарищ меня нашел, и мы вместе продолжили наше путешествие в Моббай, в который мы приплыли 8 декабря.

Французский пост, которым командует капитан Махьен, имея только двух младших офицеров, контролирует район в 800 миль в длину, слишком большую площадь для такого скромного поста, в результате чего, большая часть страны остается дикой.

Моббай (Mobaue), Банзивилль (Mobaui-Mbango) – красная стрелка; остров Лума – белая стрелка

На противоположной стороне реки находится бельгийский пост Банзивилль. Им командует итальянец, капитан Бабулини, которому помогает адъютант. Этот пост является самым старым и одним из лучших в Бельгийском Конго; здесь есть прекрасные кирпичные дома, а обилие банановых деревьев и бамбука добавляют живописность месту в то время, как широкая аллея пальм делает его идеальным тропическим поселением. Это был первый раз, когда мы оказались под защитой флага Конго, золотой звезды на темно-синем фоне.

Мы были очень впечатлены разумным обустройством поста. Плантации молодых каучуковых деревьев простираются на три мили, и только в этом районе насчитывается около 45 000 жителей. Каждая деревня занимается своим делом; одни поставляют пальмовое масло, другие весла, третьи живут за счет предоставления носильщиков для караванов и т. д. в зависимости от спроса на продукт и услуги. Труд каждого мужчины или женщины неплохо оплачивается, и все население удовлетворено своей жизнью в таких условиях.

Вдали от правого берега, внутри страны на французской территории обитают интересные люди саванны, называемые бу-бу. Иногда, поднимаясь по реке, мы видели, как бу-бу

смешивались с толпой жителей какой-нибудь деревни, спустившись к берегу из своей территории, чтобы немного погулять или увидеть людей и любопытные для них вещи на берегу реки, вызванные тем же импульсом что заставляет нас проводить дни у моря. В трех милях от Моббая мы посетили рынок, который, как обычно, находился на небольшом расстоянии от деревни. Он был расположен в красивой долине в волнистой безлесной стране, заросшей высокой травой с разбросанными кое-где маленькими деревнями. Уже в девять часов все люди пришли на базар, и торговые места загудели многочисленными голосами. Здесь было около пятисот человек, стоящих, сидящих, торгующих или сплетничающих, и мы некоторое время смотрели на это живописное зрелище из грубого укрытия от солнца. Сцена напоминала один из рынков реки Йо потому, что бу-бу были вооружены длинными копьями и щитами.

Помещенными на землю товарами для обмена или продажи были: пиво, изготовленное из кукурузы, маниока, красное просо, помидоры, арахис, сладкий картофель, табак и соль. Живя в почти безлесной стране, бу-бу испытывают недостаток древесины для процесса вываривания соли.

Под навесом мы заметили замечательных коз, разводимых людьми бу-бу, животных, которых, я уверен, не знают в Европе. Они высотой около 2 футов 6 дюймов и имеют тонкую шелковистую черно-белую шерсть с длинными пучками волос на головах.

Бу-бу обменивается продукцией с людьми сунго или людьми реки, получая у них рыбу, красную кору для окраски кожи, пальмовое масло, копыя, «гинги» и бусы. У них также есть валюта, состоящая из крошечных железных наконечников, несколько напоминающих увеличенные упаковочные иглы.

Мужчины этого племени высоки и имеют очень вытянутые вверх головы; они практикуют обычай, преобладающий в этих частях Африки, подтачивать свои верхние зубы и, подобно банда, они протыкают верхнюю губу и ноздри шпильками из разных материалов. Из отверстия под губой висит круглая, полированная палочка горного хрусталя, очень похожая на сосульку; она имеет около 3 дюймов в длину и сужается к концу. Банда также используют это украшение, а кристаллы горного хрусталя находят в их стране на расстоянии нескольких дней пути от северного берега реки. Кристаллы очень ценятся, и не каждый человек может себе их позволить.

Бу-бу носят много колец на пальцах, а иногда медную проволоку под коленями. И мужчины, и женщины заплетают волосы в тонкие косички, прошитые бисером спереди. Часто они прикалывают к волосам аккуратно изготовленную медную шпильку в 4 дюйма длиной.

Хосе Лопес

Еще более замечательно, как девушки причесывают свои волосы. Они ловко вплетают в свои короткие кудри, длинные плетеные шнуры черного шпагата, которые ниспадают с плеч на землю и имеют вид пышных косынок. Во время работы девушки обычно сворачивают и закрепляют это украшение на макушке головы. Набедренные повязки мужчин сделаны из смоковницы, которую они получают от людей сунго. Бу-бу умеют охотиться и разводят для этой цели мелких собак. Их деревни хорошо устроены и состоят из двух рядов соломенных хижин с высокими и острыми крышами.

Для защиты от набегов врагов они разбрасывают свои плантации кукурузы и маниока среди высокой травы, используя множество старых термитников высотой до 15 футов, которыми изобилует эта страна, в качестве смотровых вышек.

Бу-бу – многочисленный народ и он населяет страну к северу от Моббая; многие из их вождей достаточно могущественны, а некоторые отказываются иметь какие-либо контакты с белым человеком. Султан Бангассу время от времени все еще нападает на них для захвата рабов, а канныализм широко распространен внутри их страны.

Мы сейчас находились на окраине лесного региона Конго и с нетерпением ждали возможности его исследовать. После долгого времени, проведенного в стране кустарников, мы

наслаждались пребыванием в дикой природе холмов, и теперь огромный, таинственный лес захватил наше воображение, обещая открыть новые поля для нашего предприятия.

9 декабря мы с Гослингом отправились в лес из Банзивилия, оба направлялись на юго-запад, но разными путями. В течение пяти часов я шел через холмистую страну, мой путь, часто пересекался небольшими ручьями. Регион густо населен деревьями сунго, некоторые из которых большие. Я остановился на ночь в Буаддо, в поселке племени лети. Поселок состоит из двух линий конических хижин, расположенных в пятидесяти ярдах друг от друга, а по центру есть продолговатые укрытия от солнца, открытые со всех сторон для сидения в течение дня.

Люди лети хорошо сложены и не имеют неприятных, уродливых лиц. Они также имеют обычай прошивки ушей и губ. Женщины, а иногда и мужчины, украшают свои тела множеством узоров, вырезанных на коже, главным образом, на животе, груди и на спине; этот процесс должен быть чрезвычайно болезненным.

Моя прогулка в этот день была несколько неприятной. Я приехал в этот регион, чтобы вести простую жизнь охотника, но известие о моем прибытии разлетелось еще ранее, и как раз перед тем, как я добрался до одной деревни, меня встретил ее вождь в его лучшем костюме, пальто и шляпе-котелке, как мелкий английский клерк. Он приветствовал меня как «коменданта», что заставило меня чувствовать себя несколько смущенным, когда я стоял перед ним в моей сильно разорванной и потрепанной охотничьей одежде, в сапогах, подошвы которых вот-вот расстанутся с их голенищами. Его приветствие, однако, не увенчалось какой-либо церемонией. В моей беседе с ним я попросил его послать людей в джунгли, чтобы поймать для себя крыс и мелких животных. Хотя он уставился на меня в изумлении, но продолжал поддерживать серьезный тон разговора. Но не так повели себя его подданные, когда он повернулся и передал им мои пожелания – они разразились смехом. Я в их глазах был «була матади», но пришел не для того, чтобы собрать каучук, единственное, что по их мнению, когда-либо делал белый человек в этой стране. Прозвище «була матади» (крепкий, как камень) было сначала дано туземцами Конго Генри Стэнли из-за его силы воли, теперь оно применяется ко всем белым людям.

Вождь показал мне книжку, выданную ему правительством Конго; на обложке было его имя и названия его деревни и племени, а внутри была печатная таблица налогов, подлежащих уплате им правительству. В этой книжке указывалось, сколько часов ежемесячно должны отработать жители на правительство, сколько продуктов и пальмового масла ему поставить.

В каждой деревне, которую мы проходили было приготовлено большое количество календаров, полных зерна и овощей для моих «боев», поэтому я был вынужден отказываться от их даров, так как, к разочарованию туземцев, у нас уже был избыток продовольствия, и некоторые мои «бои» как бы «забывали» часть провизии на обочине.

У всех вождей, с которыми я встречался, было два или три воина, вооруженных старыми мушкетами с кремневыми замками, которых должно быть имелось большое количество в стране. Эти воины раньше служили в европейских гарнизонах и получили неплохую военную подготовку. Об этом можно судить по тому, как они управляют со своими ружьями, когда салютуют белому человеку. Из этого следует, что порох и патроны – лучшие торговые товары для этой части страны; последние строго запрещены, но, видимо, везде используются. Коробка в 100 патронов здесь продается более чем в двадцать раз выше их себестоимости. Разрешается импортировать только кремневые ружья, но впоследствии их легко переделать в казнозарядные; и туземцы не очень считаются с запретами.

Выйдя из Буаддо, я вошел в девственный лес, что вызвало воспоминания о моем пребывании в тропических лесах Ашанти.

При входе в лес первое – ощущение благодарной прохлады и тени после бликов и жары солнца, и внезапного облегчения глаз, когда поле зрения становится ограниченным, но вскоре

мрак, непрозрачная листва деревьев и тяжелые массы кудрявых лиан, становятся монотонными и угнетающими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.